

Игорь Фарбаржевич Башня «Ч», или Аномальная зона

Часть первая

В тихий июльский вечер от причала пансионата «Сосновый Берег» отошёл небольшой прогулочный катер на 12 пассажиров, под брезентовым навесом, в случае дождя. Рулевым был бородатый молчаливый дядька, в наброшенном плаще с капюшоном.

Сам пансионат находился неподалёку от маленького заштатного городка Со сенки, по соседству с одной из центральных областей России.

Был городок заложен князем Никитой Шишковым ещё в 13 веке, и с той поры ни разу не перестраивался, оставаясь в тех же пределах, как и при князе.

Сосенская молодёжь почти вся уехала в большие города, ополовинив, тем самым, и так небольшое количество жителей. Так что остались в городе, кроме стариков да калек, ещё и мастера народных промыслов. Одни вырезали деревянные кружки да резные фигурки, другие расписывали металлические подносы — совсем не так, как жёстовские мастера, а по-своему, по-сосенски, третьи плели корзины да изгороди, а четвёртые

ковали подсвечники на три, пять и более свечей. Как по вечерам на городском базаре зажигали на них свечи — такая красота вспыхивала — глаз не оторвать!

Рядом от Сосенок и находился пансионат «Сосновый Берег».

Был он небольшой, человек на пятьдесят отдыхающих. Каждый день — после завтрака или до обеда, а чаще перед ужином — отправлялись они кататься на прогулочном катере. И обязательно под музыку — всегда находился «свой» музыкант-отдыхающий, что играл на гитаре или скрипке, а то и на «волшебной флейте», превращая несколько часов небольшого круиза в дивное музыкальное путешествие вдоль берега, по реке Шишковке, к древнему маяку, что стоял несколько столетий за поворотом реки, на холме небольшого острова. Обойдёт его катер вокруг три раза да и воротится к причалу пансионата.

Так было и в этот раз.

Правда, заняли свои места на катере всего шесть человек из двенадцати — две женщины и четверо мужчин.

Молодой человек в модной куртке, лет тридцати, оказавшийся среди них с гитарой, пел под свой аккомпанемент разные знакомые песни, а остальные отдыхающие ему с удовольствием подпевали.

Ничего не предвещало плохую погоду и уж, тем более, шторм.

Однако, как только катер свернул по повороту реки к древнему маяку — небо вдруг почернело, солнце пропало, раздались раскаты грома, вспыхнули молнии, и на Шишковку обрушился сильный ливень. Волны поднялись двухметровой стеной, норовя затопить катер.

Повернуть назад было уже невозможно из-за сильного ветра, и бородатый рулевой, не говоря ни слова, направил катер в сторону маяка.

Когда до островного причала оставалось метров тридцать, на катер налетел ураган такой силы, что тот, словно лёгкая лодка, накренился к воде и перевернулся под громкие женские крики. Четверо пассажиров — трое мужчин и женщина средних лет из последних сил поплыли к маяку, и когда вскоре почувствовали под собой твердь, только тогда увидели, что молодая женщина и двое мужчин, в том числе рулевой, исчезли в бурлящем бешенстве волн и водопаде дождя...

...Древний маяк представлял собой округлую башню, высотой метров сорок, сооружённую из скальных камней неправильной формы и имел на разной высоте несколько небольших окошек.

Один из спасшихся — пожилой мужчина, лет шестидесяти, — повредил правую ногу, и теперь

двое других помогли ему дойти до дверей башни. Он же, обхватив их за плечи, подпрыгивал на одной левой.

К счастью, входная дверь была не заперта, и все четверо, промокшие до костей, поднялись по каменным ступеням на высокий первый этаж и очутились внутри маяка.

Эта была большая просторная комната.

С левой стороны уходила вверх винтовая деревянная лестница, под которой пылал жарким пламенем камин грубой работы. С двух его сторон стояли кресла-качалки, с одинаковыми клетчатыми пледами на спинках.

Над каминной полкой сушилась на верёвке мужская одежда — чёрный свитер грубой вязки, две пары шерстяных носков и длинный, словно питон, вязаный шарф. А над всем этим, почти под потолком, висели старинные бронзовые часы без стрелок, с пятью сохранившимися цифрами на циферблате.

С правой стороны комнаты высился резной буфет с посудой. Рядом с ним на стенке висел образец, освещённый огоньком свечи.

В центре комнаты стоял тяжёлый дубовый стол с зажжённой свечой, вокруг которого стояло несколько табуретов.

У окошка примостилась ширма, за ней виднелась часть кушетки.

Вой ветра становились всё глуше, однако не прекращался ни на мгновение. Где-то вдалеке раздавались удары грома.

— Боже! — сказала женщина, присев на табурет. — Была она небольшого роста, худощавая, но крепкая, лет пятьдесят. — Неужели спаслись? Я уж подумала: конец!..

— Кривая вывезла! — ответил молодой человек, что пел песни под гитару, снимая куртку.

— Какое счастье, мои дорогие! — радостно произнёс восторженный на вид мужчина, лет сорока. — Маяк-то, оказывается, обитаем!.. Настоящий островок спасения!

— Не для всех... — глухо сказала женщина, — Та девочка... наверное... погибла. Жаль! Кажется, её звали Алина...

— Спасти в такой шторм можно было только будучи на дружеской ноге с Богом... — заметил молодой человек.

— Как я, например... — горько пошутил потерпевший с больной ногой. — А вот священник погиб!.. Уж кто-кто...

— Давайте пока не будем это обсуждать... — предложила женщина. — Дайте отдышаться...

Мужчину с повреждённой ногой посадили в одно из кресел у камина.

— Его лучше на кушетку, — сказала мужчинам женщина. — Я осмотрю ногу...

Потерпевшего осторожно положили на спину.

Женщина, присев рядом с ним, закатила штанину и, сняв с его ног мокрые сандалии с носками, начала тщательно ощупывать опухшую стопу.

— А вы врач? — поинтересовался у неё молодой человек.

— Хирург, — ответила та и представилась: — Дятлова Вера Евгеньевна.

— Очень приятно... — кивнул молодой человек. — Ажищев Сергей Владимирович, Можно без отчества. — И тут же стал заниматься своим мобильником.

— Я вас сразу узнала, — кинула на него мимолётный взгляд Дятлова.

— Я тоже... — морщась от боли, произнёс потерпевший. — Ещё на причале я очень удивился: знаменитый журналист на краю географии!

— Уж такая наша работа! — без напыщенности ответил Ажищев.

— Э-э, нет! У вас «места ягодные»! — возразил с хитринкой пострадавший мужчина. — Здесь что делаете?

— Всё-то вам расскажи!.. — полушутя ответил молодой человек. — Кстати, вы кто, простите?..

Мужчина с повреждённой ногой представился:

— Угрюмов... Роман Григорьевич... Из Петербурга... Федеральный судья...

— Ого! — только и ответил известный журналист.

— Каков вердикт, доктор? — спроси судья у «хирургини».

— Ничего опасного! — обрадовала она. — Перелома нет...

— А как же опухоль?..

— Скорее всего, небольшой вывих... Вернёмся в пансионат, сделаем рентген. А пока плотно перевяжем... — И обратилась к восторженному мужчине: — Принесите, пожалуйста, шарф с каминной полки!..

— Меня Николаем Петровичем зовут, — представился тот с застенчивой улыбкой, — А фамилия моя Сухоробров... Я учителем биологии в Детском доме работаю... Под Владимиром... — отчитался он, протягивая шарф.

— Очень приятно... — ответила Дятлова, перевязывая шарфом ногу Угрюмова.

— А-а-а, пестики-тычинки! Знаем-знаем! — весело воскликнул Ажищев. — Небось, на практических занятиях показываете детям метод безопасного секса!

— Что вы такое несёте?!.. — вытаращил на него глаза Сухоробров.

— А что?.. Детей нужно учить жизни с ранних

лет. Чтобы в подворотнях не блудили. А на выпускных экзаменах торжественно вручать «Аттестат половой зрелости»!..

— Да у вас, любимый... прямо-таки, какой-то... болезненный комплекс!.. — Сухоревров снял с себя мокрую футболку и повесил её сушиться на верёвку, над каминной полкой, рядом с чужой одеждой.

— Это у вас «комплекс ГТО»! — усмехнулся Ажищев. — А я человек без комплексов!

Дятлова, перевязав ногу Угрюмова, укрыла её пледом, затем, поставив ширму у стены, стянула второй плед с другого кресла и скрылась с ним от мужских глаз.

— Как хорошо, что среди нас врач! — радостным голосом заметил Сухоревров. — Как-то на душе спокойней...

— Да уж, большое везенье!.. — хмыкнул Ажищев, продолжая возиться с мобильным телефоном. — Впрочем, тот факт, что с семьёй последнего российского Императора был доктор Боткин, никак не повлиял на фатальный исход в Екатеринбурге...

— Что вы такое говорите, мой дорогой!.. — нервозно произнёс учитель из-под Владимира. — Вспомнили событие почти вековой давности! И, главное, абсолютно не в тему!.. Лучше займитесь сушкой одежды...

Ажищев внял совету биолога и, сняв с себя мокрый свитер, отжал его у входной двери и повесил на верёвке над каминной полкой.

Судья протянул журналисту мокрую рубашку:
— Не сочтите за труд...

Тот стал развешивать общую одежду:

— Очень интересно., — сказал он, — куда подевался смотритель маяка? Не мог же надолго оставить пылающий камин и горящие свечи... Мало ли что!..

— Может, наверху?.. — предположил Сухоревров.

Ажищев поднял голову и крикнул:

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?!

Все прислушались... Однако никто не отозвался. Тогда он взбежал по винтовой лестнице, но тут же возвратился:

— Увы, никого! И дверь на смотровую площадку на замке...

— Может, спустился в подвал... — теперь уже предположил судья.

— Или вышел в сарай за дровами... — сказал Сухоревров. — Когда мы подходили к маяку, я заметил слева несколько хозяйственных построек...

— А я думаю, — серьёзно произнёс Ажищев, — что человек отправился в супермаркет, чтобы основательно подготовиться к нашему приезду...

Из-за ширмы появилась Дятлова, закутанная в плед, и тоже принялась развешивать над каминной полкой кофту, юбку и колготки.

— Оказывается, вы и в жизни такой же неунывающий! — сделала она комплимент Ажищеву.

— А чего унывать? Чему быть, того не миновать!

— Ну, и правильно! Я тоже в чём-то фаталистка!..

— Чёрт! Наверное, вода попала!.. — огорчился он, тряся в руке мобильник. — Все контакты намокли!..

— А я свой потеряла... — печально произнесла Дятлова. — Такая жалость!

— А где ваш телефон, Роман Георгиевич? — спросил его Сухоробров.

— Наверное, тоже выронил... — ответил судья. — Не маячьте, пожалуйста, у меня голова идёт кругом!

Учитель биологии послушно присел на табурет:

— Дорогая была игрушка!..

— Бог с ним! — ответил Угрюмов. — Жаль, фотокадры пропали!

— Ещё нащёлкаете! — успокоила его Дятлова.

— Да нет, уже не повторить... — хмуро

возразил Угрюмов. — Перед отъездом сделал несколько снимков друга юности... А вчера позвонили, что он скоропостижно скончался...

— Да вы что! — воскликнула она. — Ах, какое несчастье! Примите мои соболезнования...

Сухоребров вновь вскочил и принялся нервно ходить по комнате.

— А дождь всё не уймётся, — заглянул он в окно.

— А я внучке позвонить обещала... — сказала «хирургиня», садясь в кресло. — У Леночки сегодня день рождения... Надо же, как не повезло!..

— И сколько вашей Леночке стукнуло?.. — поинтересовался Ажищев.

— Пять, — ответила Дятлова. — А выглядит на все семь...

— Я думал, семнадцать... — разочарованно произнёс молодой человек, сунув мобильник в карман джинс. — Ещё гитару как назло, утопил... Хороший был инструмент. «Фэндэр»!.. А у вас мобильник работает? — обратился он к Сухореброву.

— Оставил в пансионате на зарядку... — ответил тот и тут же спросил у остальных: — Родные мои, вам не кажется странным, что не было предупреждения о готовящемся шторме?..

— По всей видимости, прогноз никто не знал заранее! — сказал Унрюмов. — Да сядьте вы, ради

Бога!..

Сухоревров вновь присел на табурет:

— Ну, как же так?! — возмутился он. — Отправлять людей на речную прогулку и не подумать, что может случиться!..

И тут же снова вскочил, продолжая ходить туда-обратно.

— Всё произошло так внезапно! — воскликнула Дятлова. — Из ничего!.. Солнечный день! Полный бриз! И вдруг — на тебе!..

— У нас всё происходит внезапно!.. — ответил Ажищев. — То революция, то дефолт! Пора бы привыкнуть...

Медленно, со скрежетом открылась железная входная дверь.

Все обернулись.

В комнате появились двое пропавших пассажиров с катера: священник и девушка Алина. Оба в мокрой одежде.

— Алиночка! Отец Борис! — закричала Дятлова. — Господи! Живы!

Она бросилась к ним.

— Слава Богу!.. — перекрестился священник.

Дятлова крепко обняла девушку. Та громко зарыдала.

— А мы уже решили, что вы... того... — признался Ажищев, помогая усадить обессиленную девушку в одно из кресел.

— Всё, всё! Успокойся!.. — сказала ей Дятлова. — Теперь мы снова вместе!..

— Я тоже, грешным делом, подумал, что только вдвоём и спаслись... — промолвил отец Борис, замечая на облупленной стене образок. Подойдя к нему, он принялся молча молиться.

— Вы бы рясу высушили, батюшка! — сказал ему Сухоробров. — Над камином есть место...

Священник не ответил.

— Н-неуж-жели всё з-закончилось?.. — произнесла дрожащим голосом Алина. — Ещ-щё немного, и я бы сошла с-с-с ума... А в-ветер... в-ветер!.. Я чуть не з-задохнулась!..

И она рассказала, как они с отцом Борисом попали под перевёрнутый катер, как батюшка помог ей выбраться из морского плена. Плавала Алина хорошо — в детстве занималась и танцами, и плаваньем, но зацепилась ремнём на джинсах за металлический крючок от брезента, и если б не священник, не сидеть бы ей тут вместе со всеми... А вот бородатый рулевой так и не выплыл...

— Бедная девочка!.. — только и шептала Дятлова. — Ну, успокойся!.. Тебе нужно переодеться...

— А давайте в костюме Евы! — предложил Ажищев.

— Не слушай его! — сказала «хирургиня». — Впрочем, здоровая доля юмора тебе не повредит.

Истерика у Алины почти прошла.

Дятлова сняла с верёвки над каминной полкой сухие свитер и носки, принадлежащие смотрителю маяка.

Ажищев подошёл к кушетке, на которой лежал Угрюмов:

— Не одолжите девушке плед? — спросил он судью.

— Конечно, берите! — ответил Угрюмов. — Делиться всем — это у нас в крови.

Ажищев протянул плед Алине.

— Спасибо, Роман Григорьевич! — поблагодарила его Дятлова.

Угрюмов лишь хмыкнул в ответ и прикрыл глаза.

Дятлова с Алиной прошли за ширму.

— Жаль, что разоблачение пройдёт не на моих глазах! — сказал им вслед Ажищев.

— Пошлость так и лезет из вас, — заметил Угрюмов.

— При чём тут пошлость? — воскликнул журналист. — Моя профессия — заниматься разоблачениями!

— Неужели у вас нет ощущения, господин Ажищев, что всё, что вы делаете — на телевидении или в прессе — приносит один лишь вред?..

— Кому?

— Всем! Общество консолидируется, а вы

стараетесь его разобщить!

— Интересное наблюдение!

— Вы — или провокатор, или...

Ажищев понизил голос:

— ... агент с Капитолийского Холма!.. Вас это устраивает?

Судья безнадежно махнул рукой.

— За что ж вы меня так ненавидите?.. — спросил его журналист. — У вас в каждой фразе иголку негде воткнуть!

— За цинизм! — ответил Угрюмов.

— А это уже тост. Bravo! Жаль, нет бокалов! Ну, «за цинизм», так «за цинизм»! Хотя лично я бы добавил: «за здоровый цинизм»!

— Во-во! Любимая фразочка лицемеров!.. Цинизм не может быть здоровым, господин Ажищев! Как не может быть здоровым издевательство и бунтарский вандализм над общечеловеческими ценностями! Или глумление над моралью и достоинством человека!

— Какие справедливые слова, господин федеральный судья!.. Пойте, пойте!.. Где-то эту песню я уже слышал...

— Они идут из глубин души и сердца! И если вам не нравится, заткните уши!

— А у вас хорошо поставлен голос! Прямо «мхатовская школа», честное слово!.. Только зачем так раздражаться? Ваша профессия — образец

спокойствия и бесстрастности! Не нервнируйте вашу ногу. Ей нельзя волноваться!..

— Я спокоен и бесстрастен! Но вы!.. Ваши статьи!.. Эта манера всех раздражать!..

— Да! Я сознательно раздражаю общество! И заставляю плевать в мою сторону! Но только с одной целью — чтобы граждане не проспали демократические свободы!

— Уймитесь! Вам мало одной, с которой не знают, что делать?! Ваши «жареные» факты уже настолько пережарены, что бедный обыватель рискует заработать изжогу либо язву желудка!

— А вы предпочитаете употреблять их сырыми?..

— Уж лучше сырыми, чем приготовленными на вашей «дьявольской кухне»!

Отец Борис перекрестился.

— Кто же вас заставляет меня читать или слушать?! — удивился Ажищев. — Читайте «Домоводство», или «О саде и огороде»! Нервы бережёте!

— «Врага нужно знать в лицо»!.. — сказал судья. — Кроме того... вот парадокс!.. читать вас... интересно!

— Спасибо, конечно! Но, в таком случае, вы мазохист!..

— Нет, написано талантливо! Этим вы и опасны!.. Другим — порядочным журналистам —

иной раз не хватает слова, стиля, образа, мысли! А тут... ну, всё при вас! Только со знаком «минус»! Разве не обидно?..

— Да чёрт с ними, с бездарями! А со знаком «плюс» мы уже проходили при Советской власти. Ничего не поделаешь, господин федеральный судья! Если читать интересно — терпите!..

На этих словах Угрюмов внезапно понизил голос и сказал другим тоном:

— А вот про «терпите»... иной разговор... — Он обернулся в сторону ширмы: — Пока женщины отсутствуют... Я бы... гм-гм... Послушайте, вы не знаете, где здесь туалет?..

— Удобства во дворе, в смысле, на берегу. А причём тут... Ах, вот оно в чём ваше нетерпение!.. Да, терпимость, в этом случае, ни к чему! Терпеть трудно и даже вредно!.. Вам помочь?

Угрюмов молчал.

— Давайте объявим перемирие!.. — предложил вдруг Ажищев.

— Гм!.. Это... благородно!.. — ответил судья. — Даже великодушно!.. Не ожидал... гм-гм... Ну, что ж... давайте объявим.

Ажищев помог ему подняться с кушетки.

— Далеко? — поинтересовался у них Сухоробров.

— Прогуляться, — ответил Ажищев.

И они с Угрюмовым вышли из маяка.